

Василий Брусянин

За покойником

Василий Васильевич Брусянин

За покойником

Серия «Ни живые – ни мёртвые»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9463280

Аннотация

«Скучный день. Небо завешено тяжёлыми серыми тучами. Моросит дождь. Холодно и сыро. Серые, неприветливые улицы; раздражённые, невесёлые люди...

У светло-коричневого пятиэтажного дома на Литейной стоят тёмные погребальные дроги, запряжённые парой лошадей в тёмных пополах. Люди в чёрных длинных балахонах и в чёрных же цилиндрах толпятся около печальной колесницы. На козлах, съёжившись от холода и непогоды, сидит хмурый возница и угрюмо посматривает на грязную и сырую мостовую. Две тёмные фигуры стоят под навесом подъезда и о чём-то беседуют. Их смеющиеся лица, громкий говор как-то странно не гармонируют с трауром их одежды. Молодой бритый факельщик, сдвинув цилиндр на затылок, рассказывает что-то своему товарищу с рыженькой бородкой, часто припадая к его уху и сообщая что-то, очевидно, пикантное, – и тот смеётся и прищёлкивает языком...»

Василий Брусянин

За покойником

Скучный день. Небо завешено тяжёлыми серыми тучами. Моросит дождь. Холодно и сыро. Серые, неприветливые улицы; раздражённые, невесёлые люди...

У светло-коричневого пятиэтажного дома на Литейной стоят тёмные погребальные дроги, запряжённые парой лошадей в тёмных пополах. Люди в чёрных длинных балахонах и в чёрных же цилиндрах толпятся около печальной колесницы. На козлах, съёжившись от холода и непогоды, сидит хмурый возница и угрюмо посматривает на грязную и сырую мостовую. Две тёмные фигуры стоят под навесом подъезда и о чём-то беседуют. Их смеющиеся лица, громкий говор как-то странно не гармонируют с трауром их одежды. Молодой бритый факельщик, сдвинув цилиндр на затылок, рассказывает что-то своему товарищу с рыженькой бородкой, часто припадая к его уху и сообщая что-то, очевидно, пикантное, – и тот смеётся и прищёлкивает языком.

Из ворот, скрестив на животе руки, вышел старик с жёлтым морщинистым лицом, с большими седыми усами и с узенькими подслеповатыми глазками. Приподняв воротник балахона и сдвинув на лоб цилиндр, шёл он медленно, свесив голову на грудь.

– Что, Капустин, нос повесил? Верно, прозяб? – спросил

старика факельщик с рыженькой бородкой.

Старик поднял лицо, пожал плечами и после паузы ответил:

– А то и нос повесил, что Сергея Николаича Истомина хоронить поедем!

– А каков таков этот Истомин?..

– А таков вот: штабс-ротмистр в отставке. Большой барин был...

– Знавал ты его?

– Ещё бы! Служил у него когда-то в лакеях... В этом самом доме мы и жили.

Старик отошёл от факельщиков, которые снова принялись смеяться, прошёлся по панели до подъезда следующего дома, повернул назад и, опустив голову, тихо прошёл мимо товарищей, весёлая беседа которых почему-то не нравилась ему. Отойдя немного от подъезда, он остановился у тумбы и задумался.

«Этакое дело! Вот тут и узнай, кого придётся хоронить», – размышлял он.

Капустин поднял голову и подошёл к соседнему подъезду. Он знал этот подъезд с тонкими чугунными колонками, поддерживавшими широкий железный навес; знал он и входную дверь, с медной дощечкой какого-то врача. За дверью была площадка с зеркальцем и столиком, а дальше шла широкая лестница с резными перилами. На втором этаже по этой лестнице, налево, жил когда-то Сергей Николаевич Истомин.

Дверь отворилась, и на подъезде появился швейцар, высокий, стройный, с белобрысыми усами и с рыжими ресницами узких красноватых глаз. Капустин в первый раз видел рыжего швейцара: раньше на этом подъезде был его приятель, старик Фёдорыч, а теперь вон какой бравый молодец. Капустин посмотрел на швейцара и спросил:

– Фёдорыча-то, верно, уж нет?

– Какого Фёдорыча?

– Тут раньше был швейцаром.

– Не знаю никакого Фёдорыча, – холодно ответил рыжий человек и пристально посмотрел на худощавое лицо Капустина, – я вступил на место Лаврентия Николаевича; теперь он у нас старшим дворником.

Швейцар сухо закончил свою речь, посвистал и закурил папиросу.

– Тоже вот и Сергей-то Николаич раньше по этой лестнице жил... в четвёртом номере, налево...

– Присяжный поверенный Лукин живут теперь там, – прервал Капустина швейцар.

– Не знаю, кто теперь живёт. Раньше-то, говорю, Сергей Николаич Истомин жил, а теперь вон где пришлось Богу душу отдать, в 37 номере, во дворе, на грязной лестнице...

Старик немного помолчал и, вздохнув, добавил:

– Время-то прошло! Всё-то, всё тут переменялось. – Вот и Фёдорыч, мотри, тоже умер, да вот и Сергей-то Николаич...

– А ты знал его? Истомина-то?

– Лакеем у него служил, тут вот, в четвёртом номере, и жили в то время...

К подъезду подкатила пара гнедых, запряжённых в карету. Сидевший в экипаже полковник опустил раму и, высунув усатое лицо, громко спросил:

– А-а... послушай, швейцар... Квартира Истомина тут?

Полковник оттопырил указательный палец руки, затянутой в белую перчатку, и указал на подъезд.

– Никак нет, ваше-ство... во дворе, подъезд направо, на четвёртом этаже, – отвечал швейцар, обнажив голову.

Полковник вышел из кареты и, следуя за швейцаром, скрылся во дворе. Рассматривая черты лица полковника, Капустин припоминал, кто бы это мог быть? И после некоторого усилия узнал в нём знакомого своего бывшего барина, полковника Рено. «А когда-то так же как Сергей Николаич штабс-ротмистром был! А? Вот оно, времечко-то!» – снова сам с собою рассуждал Капустин.

Швейцар, проводив полковника до квартиры Истомина, возвратился и прошёл под крышу подъезда, где теперь беседовал Капустин с товарищами.

– А хороший, верно, барин-то – четвертак дал! – с усмешкой поведал швейцар.

– Ещё бы! Знаем мы его, полковник Рено... товарищ Сергея Николаевича, – вставил Капустин.

– А, верно, барин – как статья, был этот Истомин-то? – спрашивал швейцар, внимательно рассматривая Капустина.

– Второй-то этаж весь занимал, на две квартиры жил: в одной он, а в другой-то жила одна полька, Бронислава Викентьевна, певица она, – рассказывал старик.

– А-а, вот ты и смотри! Теперь-то вон где живёт: на четвёртом, во дворе! – удивлялся швейцар.

– Теперь, брат, мы его на новое жительство повезём! – вставил рыжебородый факельщик и усмехнулся.

Шутки его, однако, никто из беседовавших не поддержал.

– Как же это так вышло-то? – любопытствовал швейцар.

– Что?

– Да что он раньше-то так жил, а теперь у Надежды Ивановны... Портниха она.

И швейцар рассказал слушателям, что Истомин жил у портнихи Надежды Ивановны, намекая на интимные отношения жильца и квартирной хозяйки. Говорил он также и о том, что Сергей Николаевич эксплуатировал бедную труженицу, когда запивал, а последний год, лишившись места, окончательно уже жил на её счёт.

– Уж и не знаю, как! Лет десять или больше ничего не слышал я о барине Сергее Николаиче. Как только тогда меня рассчитали, так и уехали в провинцию... Когда богат-то был, так у всех на виду, а вот обеднел, отоштал – и с глаз долой...

К дому подъехал рысак. Рыжебородый кучер осадил лошадь, и когда она разом остановилась как вкопанная, с пролётки соскочил седой господин, с приподнятым воротником пальто и в цилиндре с трауром. Сидевшая с ним рядом дама

ниже опустила над собою зонтик и что-то проговорила, обращаясь к спутнику, который в это время расспрашивал подскочившего швейцара о квартире Истомина. Швейцар предупредительно провёл вновь прибывших во двор.

– А это, верно, всё к покойнику? – спросил кто-то из факельщиков.

– К нему.

– Вот ты и смотри – на каких рысаках, а он на четвёртом этаже! – слышалось замечание.

– Пойти посмотреть, – вставил коротко и рыжебородый факельщик, направляясь вслед за швейцаром и прибывшей парочкой.

Когда потом факельщики, швейцар и Капустин сгруппировались под навесом подъезда, между ними завязалась довольно оживлённая беседа. Больше других любопытствовал швейцар, который до сего дня не предполагал, что в № 37 по задней лестнице жил такой важный прежде барин. Он знал этого жильца, высокого, стройного господина, всегда прилично одетого, но не особенно заметного среди других жильцов дома. Помнил он и его длинные седоватые усы, тёмные глаза, густые брови и большой нос, помнил и постоянную привычку его держать во рту длинный янтарный мундштук со вставленной в него толстой папиросой. Знал он также, что жилец этот живёт со своей квартирной хозяйкой, портнихой Надеждой Ивановной Суховой как муж с женою. Факт этот, впрочем, не был тайной почти ни от кого из жильцов боль-

шого дома.

– Так вот оно что! – прервал молчание швейцар. – У господина-то этого ты раньше в лакеях был? Холост он был тогда, или как?

– Жена-то у него умерла... давно, от чахотки скончалась.

– У Надежды Ивановны он лет пять живёт. Служил он где-то. Ну, да только и выпить не дурак был. Бывало, получит жалованье, и Надежде Ивановне за комнату заплатит, а дальше-то... так... она и кормила... В трезвом-то виде хороший был барин, а вот как загуляет – то и беда: ту же Надежду Ивановну тиранит. Она всячески за ним ухаживает, а он её же терзает. Полюбился, верно, ей очень!

Швейцар с сарказмом закончил свой обличительный монолог и закурил потухший окурок папиросы.

Из этого рассказа швейцара Капустин узнал, какова была жизнь его бывшего барина незадолго до смерти. Жил он с портнихой Надеждой Ивановной, иногда помогал ей деньгами, чаще же жил на её счёт и её же тиранил. Но за всё это старик не осуждал покойника.

Полчаса спустя на погребальных дрогах стоял газетовый гроб с останками покойного Истомина. Факельщики засветили свои фонари и приготовились к процессии. Из двора за гробом вышли полковник, кавалер в цилиндре и с приподнятым воротником пальто и дама под траурной вуалью. Впереди всех, у самого гроба, шла низенькая, полная женщина, вся в чёрном. Капустин посмотрел на неё и подумал, что,

верно, это и есть та самая портниха, о которой рассказывал швейцар.

Процессия двинулась медленно и торжественно, ничем, впрочем, не нарушая обычного уличного движения и не особенно останавливая внимание прохожих. По улицам снова ли экипажи, громыхали и звонили конки, шли пешеходы, прибавляя шаг. Холодный, пронизывающий осенний дождь словно застыл в воздухе и падал теперь с тёмного неба белыми мокрыми снежинками. Когда Капустин вновь оглянулся, за гробом тащилась только одна извозчичья пролётка с приподнятым верхом; из-за спины извозчика виднелась тёмная, одинокая фигура Надежды Ивановны. Карета полковника и коляска с дамой и кавалером в цилиндре перегнали процессию и затерялись среди экипажей, сновавших по улице...

Медленно шагая за гробом, Капустин думал о покойнике. Лет двадцать назад впервые узнал он Сергея Николаевича Истомина. Служил Капустин тогда в ресторане Палкина официантом. Как-то раз, вечером, пришли в общий зал два офицера: один низенький и толстенький, с хорошо выбритым подбородком, выхоленными усиками и в пенсне на носу, другой – высокий и стройный брюнет, с большим лбом, курчавыми волосами и красиво завитыми тоненькими усиками.

За ужином господа пили хорошие вина и всё время о чём-то разговаривали. Высокий брюнет говорил горячо и жестиком кулировал, глаза его горели, лицо то бледнело, то краснело; товарищ его был покоен, сдержан и, отвечая тихим голосом,

как будто не старался скрыть на лице своём какой-то особенной, неприятной усмешки. При расчёте высокий офицер дал Капустину рублёвую бумажку на чай и, заглянув в его лицо, заметил:

– Вот это тебе, старина!.. Что-то, брат, у тебя печально в глазах? – неожиданно спросил офицер, щёлкнул шпорами и пошёл вслед за товарищем.

С этих пор Капустин стал замечать высокого офицера в разнохарактерной толпе посетителей ресторана и нередко служивал ему, и скоро узнал имя, отчество и фамилию «хорошего барина».

Истомин нередко заходил в компании статских и военных или сопровождал расфранчённых дам, – и редко бывал один. Когда же заходил он одиноко, на лице барина слуга читал какое-то грустное выражение. Садился он, обыкновенно, за столом в углу, у колонны, заказывал себе ужин или завтрак, просил подать вина и газету. Газеты он, впрочем, часто не читал и, приняв наблюдательную позу, курил дорогую сигару и вдумчивыми глазами рассматривал происходившее вокруг. Движением тонкой выхоленной руки подзовёт он, бывало, Капустина, прикажет подать что-нибудь, а когда старик исполнит приказание – вежливо поблагодарит его; при расчёте Истомин никогда не проверит поданного счёта и всегда щедро даст на чай. Всё это нравилось Капустину, и Истомин был для него любимым посетителем ресторана.

Как-то раз, поздно ночью, за час до закрытия ресторана,

Истомин, расплатившись по счёту, поданному Капустиным, и вынув трёхрублёвую бумажку, обратился к старику со следующими словами:

– Вот что, Капустин, как только завтра утром встанешь, – возьми это письмо и снеси по адресу... на Сергиевскую.

Офицер передал Капустину небольшой конверт с надписанным адресом и добавил:

– С посыльным не посылаю... Надеюсь, Капустин, ты доставишь вовремя?

– Слушаю-с! – отвечал слуга.

На другой день, часов в десять утра, Капустин пошёл на Сергиевскую. Здесь, на парадной лестнице красивого дома, отыскал он квартиру, которая значилась на конверте, и вручил письмо седому лакею, отворившему перед ним дверь. Через несколько дней Капустин услышал, что офицер Истомин стрелялся, тяжело ранил себя в грудь, и только через месяц после этого выздоровел, уехал в Крым и скоро вышел в отставку.

Прошло года два. Как-то раз Капустин узнал в одном из посетителей ресторана Истомина. Бывший гвардеец был теперь в штатском; на нём был длинный, красиво сшитый сюртук, белоснежные воротнички, и большая булавка переливалась разноцветными огнями на тёмном галстуке. Лицо Истомина также изменилось, чему способствовали длинные волосы с косым пробором и курчавая бородка. Штатский барин скоро узнал своего прежнего любимца-официанта, а Ка-

пустин рад был и тому, что снова служит «хорошему барину», радовался и тому, что шальная пуля не погубила его. Как-то раз Истомин даже разговорился с Капустинным.

– Постарел ты, Капустин, за эти годы. Да вот и я тоже – в отставке, бороду отпустил... Ну, и прочее...

Старик слушал барина и вспоминал случай, когда носил на Сергиевскую письмо, содержание которого оказалось таким роковым...

Лошади дотащили гроб с прахом Истомина до Невского. Капустин поднял голову, посмотрел на подъезд знакомого ресторана и подумал:

«Да, вот оно что! Когда-то мы тут с Сергеем Николаичем были, служил я ему, а теперь... вон, как приходится служить: провожаю его, батюшку моего, до последнего пристанища».

Капустин немного замедлил шаг и, поравнявшись с изголовьем гроба, посмотрел на светлую, помятую и полинялую, прикрывавшую гроб парчу, пропитанную дождевой водой, – и ещё тяжелее стало у него на душе. От этого дешёвого гроба, прикрытого ветхой парчой, от недорогого венка, прилепившегося на крышке, от этих мрачных дрог, усталых лошадей и недовольных погодою факельщиков, провожавших покойника – веяло чем-то томительным и скучным. В продолжение нескольких лет немало покойников проводил Капустин, но такого, кажется, дешёвого и скромного ещё никогда не провожал. За траурными дрогами тащилась только одна извозчичья клячонка, покойника провожала только одна Надежда

Ивановна. Но разве Капустин не помнит, какое большое общество собиралось когда-то в доме Истомина? Седовласый старик лакей, которому Капустин передал письмо, потом не раз рассказывал о жизни Сергея Николаевича.

После неудавшегося покушения на собственную жизнь, Сергей Николаевич вышел в отставку и уехал в провинцию. Жена его открыто жила в это время с тем самым франтоватым низеньким графом, с которым не раз бывал в ресторане Палкина и сам Истомин. В провинции Сергей Николаевич окончательно оправился и отдохнул от всех треволнений и потом снова появился в Петербурге. Через год после этого Капустин перешёл к нему на службу в качестве лакея. Как-то само собою это вышло. Пришёл однажды Истомин в ресторан, а старик Капустин подавал ему обед.

– Вот что, Капустин, – сказал Истомин после того, как слуга принёс ему третье блюдо, – человек ты старый, знаю я тебя несколько лет. Не пойдёшь ли ты служить ко мне? Дела у меня немного, жалованье тебе дам хорошее...

Недолго думая, Капустин согласился.

Жил в это время Истомин в той самой квартире N 4, о которой Капустин рассказывал усатому швейцару. Вместе с ним жила в это время Бронислава Викентьевна, певица. На новом месте старику жилось хорошо, хотя дела было много, потому что дом Истомина всегда был открыт для многочисленных друзей хозяина и хозяйки. Капустину нравилось жить у Истомина; доволен он был и Брониславой Викентьев-

ной, относясь к ней, как к настоящей барыне. Иногда ему приходилось даже из-за неё воевать с горничными, которые за глаза называли сожительницу его барина «шлюхой». Капустин видел, что барин с барыней живут в мире и согласии, и радовался этому. Нежданно-негаданно случилась, однако, беда, – и многое в жизни Истомина и Брониславы Викентьевны изменилось.

Частым гостем в доме Истомина бывал один молодой улан, по фамилии Загада. Капустин не любил этого безусого щёголя, не любил за его надменный и гордый вид и за грубое обращение с ним, стариком. Загада больше всех мужчин ухаживал за Брониславой Викентьевной. Это замечали все знакомые Истомина. Видел это, конечно, и сам Сергей Николаевич.

Произошло что-то странное между Истоминным и Загадой, случайными свидетелями чего были Капустин и гости. Загада сидел за роялем и тихо наигрывал какой-то печальный мотив, а Бронислава Викентьевна стояла около него и пела. В комнате сидели гости и, затаив дыхание, слушали пение хозяйки. Вдруг почему-то Сергей Николаевич побледнел, быстро подошёл к Загаде и взял его за руки, пальцы которых искусно бегали по клавишам. Рояль смолк. Молодой человек поднялся со стула и побледнел. В недоумении отшатнулась от Истомина и Бронислава Викентьевна.

– Я вам покажу, Загада, кто вы! Я вам покажу! – закричал Истомин.

– Что? Что это значит, милостивый государь? – спрашивал тот, трясаясь и краснея от бешенства.

Возбуждённый, со злобно сверкающими глазами, Истомин бормотал что-то и метался по комнате. Смущённые гости старались успокоить поссорившихся, но бешеного улана не так-то легко было унять. Размахивая руками и стоя посреди зала, он кричал:

– Вы много о себе думаете!.. Вы – содержанка графа!.. Вы, продавший свою жену и на эти деньги принимающий нас!..

– Убирайся вон, щенок! – крикнул Истомин и бросился за удалявшимся Загадой.

Поднялся шум. Сергей Николаевич набросился с упрёками на Брониславу Викентьевну. Возмущённая поведением Истомина, полька ушла к себе, не простившись с гостями и отклонив желание Сергея Николаевича объясниться.

– Гнусный человек!.. Продавец жён!.. – крикнул Загада из прихожей, уже одевшись.

Сергей Николаевич схватил попавшийся под руку стул и бросился за уланом, но его удержали гости, стараясь успокоить. Когда смущённые происшедшим гости разъехались, Сергей Николаевич постучался в комнату Брониславы Викентьевны, но вместо неё нашёл только письмо. Долго после этого он ходил по залу, о чём-то раздумывая. Наконец, ушёл к себе и позвал слугу. Капустин вошёл в полутёмную спальную и не сразу узнал барина: таким изменившимся показался он ему. Лицо Сергея Николаевича осунулось, по щекам

бродили красно-багровые пятна, в глазах сосредоточилось какое-то мрачное выражение. Тронутый положением барина, старик не утерпел и тихо промолвил:

– Успокойтесь, барин, Сергей Николаич! Успокойтесь!

– Молчать! – вдруг крикнул Истомин и с такой силой ударил старика в грудь, что тот отлетел к стене и ударился спиной об угол трюмо.

– Молчать! Не твоё дело! Холоп! – неистово кричал барин, наступая на слугу.

Капустин молчал и растерянно посматривал в угол комнаты: в душе его таилась ещё никогда не испытанная им обида, на глаза навёртывались слёзы. С этой затаённой обидой уснул в эту ночь старик, дав себе слово завтра же попросить расчёта у барина и уйти на другое место.

Рано утром, однако, старик изменил своё решение. Заслыша звонок из спальни, он нехотя пошёл по коридору, ступая по мягкой пеньковой дорожке, и, остановившись у двери в спальную, перевёл дух. Ему не хотелось входить к барину, нанёсшему ему обиду, и он инстинктивно удерживался раскрыть дверь.

– Подойди ближе, Капустин, – начал барин, когда слуга появился в спальней, – подойди ближе! – повторил он ещё раз и тихо добавил. – Прости меня, вчера я обидел тебя...

Капустин поднял глаза и встретился с печальным взглядом барина.

– Обозлили меня все эти люди – вот и сорвал обиду на

тебе, ни в чём неповинном человеке! Прости меня, старик, я очень виноват перед тобою...

Капустин едва сдерживал слёзы. В эту минуту в его душе обида на барина сменилась каким-то хорошим, жалостливым чувством. Сергей Николаевич отвернулся к стене, глубоко вздохнул и ещё раз повторил:

– Прости и не суди меня...

И снова, при этом воспоминании, Капустину стало жаль своего покойного барина. Не раз за всю свою беспокойную жизнь, в качестве лакея и официанта, Капустину приходилось унижаться, слушая грубые и пошлые окрики захмелевших господ, и никогда никто из посетителей ресторана, никто из господ, наносивших ему обиды, не одумывался, не подзывал старика и не просил прощения. А тут вдруг сам барин подзывает его и извиняется.

И долго потом, при различных обстоятельствах жизни, Капустин раздумывал на эту тему. Ближе живя около Истомина, он прекрасно знал дурные и хорошие стороны его характера; знал подробно историю побега первой жены, покушение на самоубийство и последующую затем жизнь. Загада был прав, упрекая Истомина в том, что он, уступив жену свою графу, получал от него ежегодно большую сумму денег в виде отступного. Капустин осуждал за это барина, находя, что жить так грешно, противно Богу. Старик находил также, что противна Богу и эта праздная, разгульная жизнь, какую вели Истомин и Бронислава Викентьевна, и их незаконное

сожителство.

И этот грешный человек вдруг отнёсся к нему, к «холопу», с просьбой простить его! Капустин прощал Сергею Николаевичу все его недостатки за эту маленькую долю хорошего в его сердце.

Помнится, как-то вечером к Сергею Николаевичу пришла дама. Тёмное, красиво сшитое платье обрисовывало её тонкую талью, чёрная вуаль прикрывала овал красивого, но бледного и худого личика. Даму эту Истомин принял с глазу на глаз, в кабинете. Как потом оказалось, это была его жена, Варвара Александровна. Скоро Капустин узнал, что она разошлась с графом и переехала к мужу. С первых же дней переезда Варвары Александровны к Истомину в их доме появились доктора, так как молодая женщина возвратилась к мужу в последнем градусе чахотки. Недели чрез три она умерла, а Сергею Николаевичу пришлось уехать в провинцию, так как со смертью жены его средства к жизни иссякли. С тех пор Капустин не видел Сергея Николаевича и ничего не слышал о нём. Узнал он только о его смерти, когда по грязной лестнице поднялся на четвёртый этаж, где умер Истомин, занимая комнатку у портнихи Надежды Ивановны.

Пока Капустин раздумывал о покойнике и о его прошлом, процессия с останками Истомина миновала ряд улиц и переулков и добралась до грязного и мутного канала, через который был переброшен деревянный мост с рельсами конки. Капустин очнулся от своих воспоминаний и осмотрелся.

Путь к Волкову кладбищу был хорошо ему известен: за время своей службы факельщиком не один десяток, даже не одну сотню покойников проводил он к месту последнего упокоения. С первых дней новой работы долго не мог привыкнуть старик к своим нетрудным обязанностям. Смущал его этот неуклюжий чёрный балахон, траурный цилиндр теснил голову, каким-то странным казалось и самое шествие с фонарём в руках и вся эта невесёлая обстановка. Но к чему не привыкает человек? Скоро Капустину всё это стало казаться обыкновенным. Сначала вид похорон, а главное, страдания людей, оставшихся в живых и провожавших покойника, – трогали душу старика, но потом он и к этому привык, протягивая руку как и другие товарищи за деньгами «на поминование души». Больше всего стало заботить его только одно, – чтобы день был не холоден и не пасмурен, когда придётся сопровождать покойника.

И только теперь, шествуя за останками Истомина, ему представилось, что он хоронит какого-то дорогого и близкого ему человека. Грудь его всё время сдавливали тяжёлые незримые слёзы. Вблизи кладбища Капустин оглянулся и ещё больше опечалился.

Посреди мостовой, по узкой пустынной улице, слегка вздрагивая на неровностях, двигался катафалк, а за ним следом ехал извозчик с неподвижно сидевшей и закутавшейся от непогоды дамой. «Только одна она, матушка, провожает, а все те, господа-то, улизнули... Так только – приехали для

виду, что, мол, не забыли друга», – подумал Капустин.

По узким дорожкам, занесённым недавно выпавшим мокрым снегом, гроб пронесли куда-то в дальний угол кладбища и опустили возле свежерытой могилы...

Гроб зарыли... Надежда Ивановна стояла, прислонившись к берёзке, и горько плакала. К ней лезли товарищи Капустина, протягивая руки за обычным подаванием на «поминовение души», а он стоял вдали и рассеянно посматривал по сторонам.

Капустин подошёл к Надежде Ивановне и, остановившись около неё, тихо проговорил:

– Успокойтесь, сударыня Надежда Ивановна, успокойтесь... Это я тут... Раньше-то я у Сергея Николаевича в лакеях был... Довелось вот и мне проводить бедного барина до последнего пристанища... Упокой, Господи, душу его в лоне Авраама и Иакова!..

И Капустин принялся креститься и кланяться в сторону свежей могилы. Плача, молилась и Надежда Ивановна. Она доверчиво придвинулась к Капустину и, беспомощная и убитая, опустила голову на его грудь, будто это был её близкий человек, около которого можно отдохнуть душой от житейских печалей и страданий.

По бледным щекам Надежды Ивановны катились горячие слёзы, а рядом с нею стоял и рыдал Капустин...

Бедные, одинокие люди! Так горько и неутешно рыдая, они оплакивали того, кому некогда служили и душою и те-

ЛОМ.